

УДК 316.32
ББК 60.52:60.524-224.1
К 24

Л.В. Карнаушенко,

доктор исторических наук, профессор, начальник управления учебно-методической работы Краснодарского университета МВД России, г. Краснодар, тел.: +7918-691-95-06, e-mail: karnl@mail.ru

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ СОЦИУМА И РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННО-КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

(Рецензирована)

Аннотация. В данной статье рассматривается процесс трансформации государственного суверенитета в условиях глобализации и развития информационно-коммуникационных технологий. При этом отмечается, что социальные изменения представляют собой достаточно противоречивый процесс, где наряду с положительными аспектами детерминируются различные угрозы и риски. Ряд негативных социальных изменений оказывается непосредственно связан с государственным суверенитетом.

Ключевые слова: государственный суверенитет, постиндустриальное общество, информационное общество, глобализация, информационно-компьютерные технологии, трансформации.

L.V. Karnaushenko,

Doctor of Historical Sciences, Professor, the Head of Department of Educational and Methodical Work of the Krasnodar University of Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, ph.: +7918-691-95-06, e-mail: karnl@mail.ru

THE STATE SOVEREIGNTY IN THE CONDITIONS OF GLOBALIZATION OF SOCIETY AND DEVELOPMENT OF INFORMATION AND COMPUTER TECHNOLOGIES

Abstract. This paper discusses the process of transformation of the state sovereignty in the conditions of globalization and the development of information and communication technologies. At the same time it is noted that social changes represent a contradictory process where along with positive aspects various threats and risks are determined. A number of negative social changes are directly related to the state sovereignty.

Keywords: state sovereignty, post-industrial society, information society, globalization, information and computer technologies, transformations.

В конце XX – начале XXI вв. общество переживает масштабные трансформации, затронувшие основные социальные институты и подсистемы, так или иначе отражающиеся на различных слоях, группах,

классах общества. Начавшись в социально-экономической и социокультурной сферах, трансформационные процессы охватили и остальные структурные элементы социума. Прогресс в сфере информационно-

коммуникационных технологий, развитие глобальной сети Интернет привели к необходимости пересмотра научных и управленческих подходов к решению ряда гносеологических проблем, возникших вследствие «напряжений» трансформирующейся социальной системы.

С точки зрения одного из классиков постиндустриального общества Э. Тоффлера, традиционная социально-экономическая система общества не обладает способностью справиться с порожденными научно-технической революцией экономическими противоречиями и социальными конфликтами, принимающими форму глобальных конвульсий. Для обозначения комплекса кризисных процессов, охвативших капиталистическую экономику, ученый пользуется термином «экоспазм» [1].

Стоит также обратить внимание и на возникающее системное противоречие между модернизационными процессами последних нескольких десятилетий, с одной стороны, и стремлением социальной системы к уравниванию своих элементов, с другой стороны. Однако характер и направленность происходящих трансформаций, их глубина, продемонстрировали необходимость коренного пересмотра существующих подходов к оценке социальной реальности. Едва ли не в первую очередь данное утверждение касается социально-политической сферы.

По мнению Э. Тоффлера, состояние системы власти в постиндустриальном обществе (а также ее масштабная трансформация) позволяет утверждать, что человечество вступило в «эру смещения власти, когда постепенно распадаются все существовавшие в мире властные структуры и зарождаются принципиально новые» [2].

Становится очевидным, что именно технико-технологические (а конкретно – социокommunikативные, социотехнические) факторы

детерминируют изменения в политической сфере, системе международных отношений. Объясняется это принципиальной невозможностью перемен в локальных условиях, на микроуровне, в масштабах какой-то одной или нескольких подсистем общества. Подобного рода трансформации проходят на макроуровне социальной реальности, ибо факторы, лежащие в их основе, принципиально не предполагают иного уровня распространения.

Как справедливо отмечает А.Д. Еляков, современное общество характеризуется тем, что «благодаря широкому использованию спутниковой связи, сотовой телефонии и Интернета фактор пространственной удаленности уже не играет существенной роли в доступе людей к информации и в коммуникациях. Предпосылки перехода к информационному обществу были подготовлены в позднем индустриальном обществе усложнением управления современным высокотехнологичным производством» [3; 85].

Безусловно, было бы неверным переоценивать важность развития Интернета, интернет-технологий в современном обществе. Сама по себе объединяющая информационно-коммуникационная система не может быть источником и стимулом социального развития, рассматриваемая как отдельный феномен, как «вещь в себе». Однако вкупе с другими факторами научно-технической революции, на фоне кардинальных изменений в экономической и духовной сферах общества, происходят необратимые трансформационные процессы, ключевыми социальными последствиями которых выступает переоценка основополагающих элементов социальной реальности.

Формирующееся глобальное информационное общество, как известно, базируется на экономических и культурных факторах. Транснациональные корпорации, довлеющие над государствами, международная

торговля на фоне роста влияния установок и стереотипов массовой потребительской культуры способствуют генезису принципиально нового социума, в котором утрачивают свое значение (или предельно ослабляются) многие структурные элементы общества, еще несколько десятилетий назад казавшиеся незыблемыми. Так, представления о языковых, пространственно-временных барьерах уходят в прошлое. Новые информационно-коммуникационные технологии связывают различные страны, континенты, современные компьютерные программы делают возможным непринужденное общение людей на разных языках. В этих принципиально новых условиях модифицируется традиционный облик государства, а также его неотъемлемых элементов. В частности, речь идет о государственном суверенитете. Какие же изменения претерпевает классическая концепция государственного суверенитета в условиях глобального информационного общества начала XXI века?

Как полагает В.В. Горюнов, к числу основных свойств суверенитета могут быть отнесены: верховенство власти государства на всей его территории; исключительность суверенитета государства на всей его территории; неисчерпаемость суверенных прав [4]. Однако в новых условиях эти принципы оказались в достаточно серьезной степени нивелированы. Это объясняется не только активным внедрением информационно-коммуникационных технологий, легко преодолевающих государственные границы и оказывающих воздействие как на государственные институты, так и на сознание граждан, несущих, прежде всего, угрозу интеллектуальному суверенитету государства. Речь также идет об определенных векторах геополитических процессов 1990-2000-х годов, результатом которых стало образование международно-правовых

институциональных структур, существенно ограничивающих суверенитет отдельного государства. Фактически страны «большой семерки», являясь бенефициарами становления и развития глобального мирового порядка, формируют и сохраняют неравные возможности для государств, не входящих в данное объединение, нередко демонстрируют политику «двойных стандартов» (как в случае с проблемой Косово, например), игнорируют мнение других стран, используют структуры ООН для решения своих целей и задач. При этом тесная интеграция государств в мировую экономическую и социокультурную систему фактически делает страны, противостоящие подобной политике, изгоями. Данный тезис подтверждают события 2014-2015 гг., возникшие вследствие кризиса на Украине, когда против России были введены экономические санкции и оказано беспрецедентное давление, развязана информационно-психологическая война.

Характеризуя нынешнее состояние проблемы государственного суверенитета, исследователи подчеркивают, что «абсолютного суверенитета нет, поскольку государства взаимозависимы, и эта взаимозависимость в современном мире непрерывно возрастает» [5; 15]. Однако в этой связи возникает закономерный вопрос о том, какова глубина и пределы этой взаимозависимости? Не возникнет ли ситуации в ближайшем будущем, когда государственный суверенитет окажется под угрозой наднациональных и надгосударственных структур, контролирующихся определенными государствами, претендующими на роль мировых гегемонов?

Стоит отметить, что мировая политическая и правовая системы, построенные на понимании суверенитета в качестве формальной категории, испытывают существенные проблемы. Во время так называемого «мирового финансового кризиса»

идея об отмирании суверенитета ввиду экономической глобализации не нашла своего подтверждения. Несмотря на высокую степень интеграции в рамках Европейского союза, наиболее развитые экономики данной международной организации в период кризиса направили накопленные резервы, в первую очередь, на решение внутригосударственных экономических, финансовых и социальных проблем. Это подтверждает самостоятельность, независимость государств, стремление обеспечить самодостаточность и реализацию национальных интересов [6]. Также становится очевидным, что в современном мире по-прежнему, несмотря на достаточно глубокие структурные перестройки последних десятилетий, доминируют экономические, а не политические факторы. Более того, ряд государств пытается решать геополитические проблемы, используя экономические инструменты давления, а в ряде случаев – и откровенного шантажа.

Кроме того, ситуация в социально-политической сфере осложняется и тем, что до сих пор остаются проблемные территории, где происходили и продолжаются вооруженные конфликты, так или иначе связанные с борьбой за суверенитет (территория бывшей Югославии, Ирак, Южная Осетия, Абхазия, др.). Формальные нормы о суверенитете не в состоянии решить данные проблемы [6]. Никаких принципиально новых международных нормативно-правовых институциональных структур в последние годы не создано. В данном случае мы сталкиваемся с отсутствием действенных механизмов решения накопившихся проблем, угрожающих стабильному существованию современного глобального мира.

Целесообразно также отметить, что, во всяком случае – на уровне теоретических оценок проблемных ситуаций современного общества, происходят изменения. Так,

процессы глобализации, происходящие в современном мире, заставляют нас переосмыслить традиционные представления о государстве и его суверенитете в том числе. Верховенство и независимость государственной власти как основные характеристики государственного суверенитета подвергаются сомнению ввиду того, что международно-правовые нормы зачастую имеют приоритет над внутригосударственными (так, по крайней мере, декларируется во многих конституциях), что, на первый взгляд, ограничивает сам суверенитет или вызывает сомнение в необходимости данного явления [6].

Вместе с тем, обратной стороной верховенства государственной власти внутри страны, представляющей собой внутренний аспект государственного суверенитета, является ее независимость на международной арене, составляющая, соответственно, внешний аспект этого явления. Если верховенство заключается в том, что никакой другой властный субъект на территории государства не может изменить решения государственных органов или продиктовать им свою волю, то независимость – это невозможность делать то же самое для внешних властных субъектов, в первую очередь – для иностранных государств, но не только. Каждое государство свободно вступает в договорные отношения с другими государствами и международными организациями и является связанным по отношению к ним только такими обязательствами, которые оно добровольно на себя возложило, подписывая договор [7].

Рассматривая особенности репрезентации проблемы государственного суверенитета в условиях современной России, целесообразно сделать следующие замечания. Как отмечают исследователи, основными направлениями процесса развития основ суверенитета России являются: укрепление государственного

единства Российской Федерации; повышение эффективности государственной власти; укрепление обороноспособности; экономическое развитие; укрепление законности и правопорядка; развитие науки и образования; реформирование здравоохранения; увеличение численности и повышение качества жизни населения [6].

Однако исследователи данной проблемы достаточно редко указывают на угрозы и риски для государственного суверенитета России, идущие от наднациональных структур современного глобального миропорядка. Совершенно не в достаточной мере поднимаются проблемы (и тем более предлагаются эффективные мероприятия по их решению) информационных угроз, защиты интеллектуального суверенитета, противодействия информационно-психологическим атакам, в частности, информационному терроризму. Также в настоящее время ощущается определенный вакуум научных и управленческих разработок по проблеме «утечки мозгов», угрожающих стабильному и поступательному развитию нашей страны. Талантливая российская молодежь, попадая под коммуникативное воздействие стран, доминирующих в глобальном мире, переезжает в них жить и работать, значительно ослабляя нашу науку и практику. Особую тревогу вызывает некое безразличие государственных управленческих структур к отмеченным проблемам и весьма медленное реагирование на них, явно не соответствующие глубине и динамике имеющихся вызовов.

Таким образом, мы можем отметить, что само по себе развитие информационно-компьютерных технологий, сети Интернет, становление глобального общества не несет в себе прямой угрозы государственному суверенитету в его классическом понимании. Это касается любой страны, в том числе и России. Однако это не означает, во-первых, отсутствия

ряда косвенных угроз, к которым мы относим легкость проникновения информационных потоков сквозь национальные границы (экономический и политический шпионаж, информационно-психологические войны, угроза информационной безопасности, факты утраты интеллектуального суверенитета и т.д.); во-вторых – динамического развития социальной системы под воздействием каких-то иных, в настоящее время не проявляющих себя явно, факторов и обстоятельств, что сможет радикально изменить существующий баланс угроз и вызовов.

Также стоит констатировать, что государственный суверенитет в начале XXI в. во многом зависит от состояния информационной безопасности. Здесь актуализируется ряд угроз и вызовов, в частности, киберпреступность, умышленное распространение тревожных слухов, информационный экстремизм. Данные явления пока еще недостаточно изучены в нашей стране, о чем свидетельствует малое число серьезных научных публикаций, успешно защищенных диссертаций. Между тем, эта сфера вполне может рассматриваться рядом высокотехнологичных государств как возможность обретения существенных преимуществ перед другими странами, в том числе – и перед Россией. На наш взгляд, в современном глобальном мире именно сфера информационной безопасности может стать угрозой суверенитету государства, если оно не сможет оперативно и, главное, результативно реагировать на возникающие негативные факторы, дестабилизирующие обстановку. В настоящее время становится очевидным вектор геополитического противоборства в ближайшие десятилетия – он все теснее связывается именно с информационно-коммуникационной сферой государственной политики. Именно в этом направлении целесообразно сосредоточить усилия российской науки и практики.

Примечания:

1. Бредихин А.Л. Суверенитет как политико-правовой феномен: дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2011.
2. Бредихин А.Л. Суверенитет как политико-правовой феномен. М., 2012.
3. Горюнов В.В. Суверенитет Российской Федерации: сущность, содержание, гарантии: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2007.
4. Еляков А.Д. Российское общество в информационном измерении // Социс. 2009. № 7.
5. Конуров А.И. Суверенитет как политико-правовой феномен // Армия и общество. 2012. № 3 (31).
6. Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2008.
7. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2010.

References:

1. Bredihin A.L. Sovereignty as a political-legal phenomenon: dis ... kand. the faculty of law. Sciences. Belgorod, 2011.
2. Bredikhin A.L. Sovereignty as a political and legal phenomenon. M., 2012.
3. Goryunov V.V. The sovereignty of the Russian Federation: the nature, content, warranty: dis. ... candidate. the faculty of law. Sciences. Ekaterinburg, 2007.
4. Elyakov A.D. Russian society in the information dimension // Sotsis. 2009. No. 7.
5. Konurov A.I. Sovereignty as a political-legal phenomenon // the Army and society. 2012. No. 3 (31).
6. Toffler A. Future Shock. M.: AST, 2008.
7. Toffler A. The third wave. M.: AST, 2010.